

АКТУАЛЬНОСТЬ ПЛЕХАНОВА: ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Г.В. ПЛЕХАНОВА

К. Н. Любутин В. М. Русаков



**Любутин Константин
Николаевич**

доктор философских наук,
профессор, главный научный
сотрудник Института
философии и права УрО РАН,
заслуженный деятель науки РФ

**Русаков Василий
Матвеевич**

доктор философских наук,
профессор Института
международных связей
г. Екатеринбург



Еще в конце 70-х годов прошлого, XX века отечественная мысль, обращаясь к анализу «буржуазного мифа» о смерти философии, напоминала о соответствующих ламентациях в западной философской литературе конца 50-х годов и в обратной перспективе прослеживала неоднократные попытки оспаривать право философии на существование вплоть до античных скептиков. Справедливо замечалось, что «адекватное понимание мифа о смерти философии возможно лишь постольку поскольку этот миф рассматривается не изолированно, а вместе с другими, аналогичными ему мистифицированными реалиями современного буржуазного сознания. Теология «мертвого бога» или антропология «умерщвленного человека» в принципе являются такими же идеологическими феноменами». (Т. Ойзерман). Но если в недавнем прошлом «смерть философии» обычно связывали с повсеместным распространением религиозного индифферентизма, то сегодня она увязывается с постмодернистской идеей о крушении всех фундаментальных идеологий — либерализма, коммунизма, гуманизма и т.п. Наиболее последовательно обоснование «смерти философии» проводилось экзистенциализмом, который превращает понятие смерти в онтологическое определение сознания и человеческого бытия: М. Хайдеггер толковал, что философия умирает поскольку она, в сущности, чужда современному обществу, будучи феноменом чисто историческим, древнегреческим. Разумеется, своим различием онтологического (которым занимается философия) и онтического (которым занимаются науки) Хайдеггер, скорее, констатирует не смерть философии как таковой — коль скоро он считает онтологические проблемы («ничто») серьезными, — а то, что господство современного научного знания вытесняет собственно философскую проблематику на периферию, в небытие. Существует и позитивистское «освобождение» науки от философии, которое лапидарно формулирует тезис о том, что «нет необходимости умерщвлять то, что является уже мертвым». Однако такой вывод, несмотря на то, что его вариации постоянно воспроизводятся (в том числе — Дж. Уиздом на XIУ Всемирном философском конгрессе (Вена, 1971)), научным сообществом воспринимается как слишком простодушный и самоочевидно противоречивый.

В прошлом отечественная философия, правильно подчеркивая порочность попыток выдать глубокий кризис одной исторически

определенной формы философско-мировоззренческого и методологического теоретизирования (буржуазной) за всеобщий крах философского теоретизирования как такового, в качестве панацеи выдвигала «философию марксизма», не желая видеть, что эта последняя, в существенной степени оставалась задачей, требовавшей решения — как раз на основе широкой интеграции результатов познания и социально-исторической практики, — а вовсе не чем-то вполне ставшим. Еще один интересный вариант обоснования «смерти философии» был предложен Г. Маркузе. Но обогащенная разнообразным опытом изучения человека, мира человека, философская рефлексия приходит к представлению о нем, как о «проекте бытия и смысла». Открытость человеческой природы оборачивается на рубеже XX века подлинной «разверстостью». От вопроса «каков он, человек?» философия перешла к вопросу «каким он может быть?». Устрашающий опыт первой половины XX века стал доминантой, как в понимании «природы» человека, так и в оценке возможных перспектив его развития. «То, что представляет нашему вниманию культурное самосознание современности, - в самом широком смысле этого слова, а именно той эпохи, которая отмечена регистрацией «смертей», «закатов», «сумерек» и «концов», - выражает определенный перелом в основных традициях западноевропейского мышления»¹. Давно и верно сказано, что классический идеализм болел многими болезнями, но в одном нельзя было ему отказать — пусть в умозрительном, но утверждении достоинства человека. Как бы ни был узок взгляд на человеческое существо, какая бы роль ни отводилась индивиду в системе целого, все же он априори был причастен к высшему, разумному бытию; его сущность была укоренена в сознании, разуме. Однако, начиная с Шопенгауэра и Ницше волюнтаризм возобладал в отношении ко всему: к познанию, социальным институтам, традициям, мифам. Например, в теории ищут уже не истину мироздания, а сюжет для построения (мифа, изобретения, конструкции, манипуляции). Разрастается новейшая мифология: с точки зрения просветительских рационалистических представлений о поступательном движении «от мифа к логосу» — вещь совершенно невозможная! Однако, будучи на самом деле продуктом изощренной субъективной рефлексии, а вовсе не стихии человеческой жизнедеятельности, — современная мифология хорошо знает о своей сконструированности и

технологическом предназначении.

Нарастает интерес к первобытной архаике, культуру парадоксальным образом ориентируют на до-культурное и пра-культурное состояние как «архетип культурной подлинности». Однако обращение к архетипам, как неким гарантам универсально-всеобщего и объективного содержания культуры – подрывает именно это ее начало: ведь архетипы ценностно-нейтральны, не имеют смыслов и бессодержательно-фрагментарны! Персонально-личное, индивидуально-осмысленное растворяется в имперсональной стихии коллективного бессознательного. Культивируется так называемое дионисийское начало: экстаз, стихия, спонтанность, попирающие всякие нормы. Сам философ в таком случае превращается в харизматического парадоксалиста, расшатывающего всякие сколько-нибудь устоявшиеся нормы и ценности, смыслы и значения, якобы разоблачая их в подобном диалоге. Редукция всего высшего (культурных ценностей) к низшему, биологическому – становится центральным нервом всякого «разоблачительства». Всяческие нормы и смыслы, обладающие принудительной значимостью и упорядочивающей силой – сводятся к унылой утилитарности, примитивной репрессивности подозрительного свойства. В качестве строительного материала культуры предлагается инстинктивно-игровой элемент! Это называется протестом против «рекрутизации» человека в какую-либо тотальность (Хейзинга). Но чем такие «игровые» компоненты отличаются от указанных еще Ортегой форм современной коллективной одержимости – не указывается. Рождается комбинация культа архаики с новомодными конструированием искусственных схем мысли. «Укореняя культуру и человеческий мир в стихии досознательного и разрушая тем самым культурный космос, новая мифологема способствует деморализации современного сознания»². При таком понимании культуры ни о какой ее ответственности за судьбы человечества быть не может, а человек превращается в представителя неких темных сил.

Суммируя сказанное о предельном обострении этих вопросов, можно сделать вывод о том, что суть антропологического поворота состоит в открытии главного факта современности: неудача всех попыток однозначного и исчерпывающего определения «природы» (сущности) человека связана с тем, что она принципиально открыта, не задана (не определена) и в этой отверзшейся внезапно пропасти как раз и таятся все современные опасности, все прошлые и нынешние ужасы человеческой судьбы. Фундаментальные сдвиги, как в строении социума, так и в культуре XXв. — предельно заостренно были сформулированы М.Шелером в «философской антропологии»: человек сегодня не знает, что он есть, но он знает, что он этого не знает. Путь человека проблематичен и в этих условиях уже бессмысленно пытаться определить вечные идею, суть и назначение человека. Отвечая на вызов времени, он сам должен осознать свое назначение в мире. Только человек имеет мир, тогда как животное лишь среду обитания. При этом человек может стать не только выше, но и ниже животного. Человек вечно находится в состоянии поиска и определения своей сущности. Поэтому, в сущности, нет никакого «естественного» человека. Но что выдвигается на смену прежним «отвлеченным» и несбыточным идеалам? Сиюминутность и прагматичность рождают стремление выдвинуть «простые» и «очевидные» ценности, ясные и понятные для всех обыкновенных людей, достижимые каждым человеком — и что особенно важно:

для этого ему не нужно менять себя («подтягивать» до этого идеала, «шлифовать» себя, совершенствовать, т.е. изменять себя, работать над собой)! Прежние идеалы и ценности старых идеологий как раз это и подразумевали. Нынешние симулякры предпочтительнее для человека толпы именно этим: они не включают идеи трудоемкого и длительного совершенствования человека. Это – просто проекция вонне комплекса желаний и предпочтений рядового, если не сказать заурядного («усредненного») индивида. Поэтому снимается вопрос о фундаментальности смысловых ориентиров: они заменяются «массовидными» смыслами и значениями. Фундаментальность подменяется распространенностью и встречаемостью – повседневностью: смысл считается настолько важным и фундаментальным, насколько он широко распространен в повседневной жизнедеятельности массовидного человека. Снимается проблема мучительных поисков смыслов – это ниоткуда не следует, нужно лишь сосредоточить внимание на «экзистенциалах», реалиях жизнедеятельности среднего человека. Феноменология «антропологической катастрофы» начинает охватывать все стороны жизни современного человека.

Сегодня вполне обоснованно начинают говорить о настоящей «деантропологизации» современности и движению к так называемому «постчеловеку». Появляется и формируется существо, очень похожее на человека, но вот человек ли – по крайней мере, в прежнем смысле слова? В нем коренным образом меняется соотношение родового и индивидуального. Предельная атомизация человеческих индивидов рождает видимость предельной автономизации и формирование крайне причудливых вариантов «человеческого», сколь угодно далеко способного дистанцироваться от родового, всечеловеческого. Например, создание искусственных схем личности вкупе с искусственным интеллектом разворачивается в принципиально античеловеческих измерениях: создания солдат-наемников, новых рабов секс-индустрии, киллеров, постановщиков всевозможных перформансов (в духе корпорации «Бытие»), суррогатного материнства и планы с помощью клонирования создавать людей-запчастей для трансплантологии и т.п. Отвергается все, что возвышает человека над частичностью, разорванностью и отчуждением людей друг от друга и утверждается пропасть между людьми. Отчуждение возводится в абсолют (самая несомненная реальность!).

Символично, что если в XX веке мыслители, борющиеся с отчуждением, видели его в отождествлении субъекта с объектом, в превращении человека в простой объект, в вещь, наряду с другими вещами, сегодня «певцы отчуждения» рассуждают о человеке в терминах «Другой» («Чужой» - alien!) и мастерят уныло изошренные «гетерологии» - учения о Другом. В этом мире человек стал для себя — не объектом или предметом, — а «Другим» (невольно приходит на память гуманист А.Камю, многозначительно употребивший термин «Посторонний»!).

Поразительно, но подробное описание и глубокое исследование этого процесса дал К. Маркс в своих знаменитых «Теориях прибавочной стоимости». Он писал о частичных «агентах» (участниках) капиталистических производственных отношений: «в самих этих сделках посредствующий процесс погашен, невидим, непосредственно не заключен... Однако агентам производства, носителям различных функций процесса производства дело представляется не в этой, а напротив, в

извращенной форме»³.

Деантропологизация реальности проявляется в том, что люди все больше перекалывают процесс смыслового ориентирования на всевозможные информационные системы и институты: человек перестает доверять своему восприятию (в медицине – переадресация ко все более многочисленным «анализам» и мнениям узких «специалистов», в политике – обращение ко все более многочисленным «независимым экспертам», «опросам», «экспертизам», в потреблении – тотальное подавление непосредственной чувственной достоверности – всевозможными рекламными продуктами; в осмыслении собственной жизни и истории – апелляция к потенциально бесконечному «опыту» ДРУГИХ. Деантропологизация совершается параллельно с исчезновением творчества в массовой культуре и массовом сознании. Массовый потребитель перестает размышлять о себе самом самостоятельно (ему невыносимо оставаться наедине с самим собой: вот почему современные подростки катастрофически перестают читать, а «взрослые» люди пугаются «толстых» журналов и книг, а смысловые вопросы становятся просто непереносимыми для них!).

Но деятельность атомизированных индивидов, погруженных якобы в абсолютно автономный и самодостаточный мир, оказывается невероятно регламентирована и схематизирована, насквозь пропитана множеством чудовищно примитивных клише и стереотипов, ложно подаваемых как самобытность и неповторимость (всякий, вероятно, хоть однажды сталкивался с невероятной глупостью в рекламных продуктах: например, когда описание ничтожнейшего свойства щеточки для ресниц не создавать «комочков» туши завершается чудовищной в сущности фразой: «ведь Вы этого достойны»!). Деантропологизация в сильной степени связана с применением возможностей информационных технологий и разрастанием на этой основе виртуализации. Машинно-информационные системы, СМИ, институты массовой культуры гипертрофируют значение формально-ролевой организации человеческой жизнедеятельности – жить начинает не реальный человек, а его «статус», «роль», «функция». Эти феномены снижают, а то

и вовсе уничтожают различие реального и ирреального, вещи и фантома, нормы и патологии, возможного и действительного, интимного и публичного.

Сирены либерализма и рыночного фундаментализма возводят в ранг невероятных теоретических откровений чудовищные предрассудки обыденного сознания самой малообразованной и дикой части новоявленных буржуа и сращенной с ними чиновничьей бюрократии. На фоне тотального разграбления природных ресурсов страны («капитала будущих поколений»), уничтожения технически прогрессивных отраслей экономики (авиа- и судостроения, ракетно-космической и др.) превращения страны в сырьевой придаток кучки развитых государств, материального и интеллектуального ограбления собственного народа в недрах «дикого капитализма» — как какие-то абсолютные истины «в последней инстанции» подаются не менее дикие «формулы» о том, что система образования должна быть подчинена «потребностям» бизнеса и рынка (!), о том, что образование должно быть освобождено от воспитания (чему воспитывать в условиях якобы тотальной «толерантности» и «банкротства» всех прежних идеологий!), что отечественная система образования и науки «не отвечают современным» критериям (вначале говорили более откровенно: потребностям капитала) и т.п. Поскольку наиболее концентрированное интеллектуальное неприятие и опровержение всему этому вздору оказывает философско-теоретически подготовленное сознание, ему-то и достается «по полной программе». Тотальное наступление деструктивных дискурсивных практик в философско-теоретическом сегменте общественного сознания таит в себе многочисленные и давно диагностированные опасности. Нежелание замечать их – предмет уже иного дискурса: о субъектах этих процессов необходимо говорить отдельно.

1. Р.Гальцева. Западноевропейская культурфилософия между мифом и игрой//Самосознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М., 1991, с.8.

2. Там же. С.21.

3. К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., т.25, ч.2, с.389.

О. А. Матвейчев

СМЕРТЬ ПОЛИТОЛОГИИ

Матвейчев
Олег Анатольевич

кандидат философских наук
г. Москва

Все на борьбу с политологической безграмотностью!

Кто-то из классиков говорил, что если не решены главные вопросы, на них постоянно будешь наткаться в мелочах. Поэтому вначале я ставлю себе амбициозную цель - охватить и рассмотреть проблематику всей политологии от истоков до наших дней. Кто скажет, что это в статье не возможно, или возможно – пусть прежде дочитает до конца.

Для того чтобы разобраться, распутать гордиев узел политической терминологии, надо начать с азов и классики. А

азы и классика - это Аристотель.

До Аристотеля вместо теории были разные афоризмы и «мысли» и, конечно, сама политическая практика, а вот системной науки о политике, системной терминологии не было. Это относится и к Платону, который в своих политических произведениях так же сбивался на притчи, поэзию, философию, идеологию и может быть назван в этом вопросе лишь предтечей науки.

Аристотелю часто приписывают ориентацию на опытное мышление, но это не совсем верно, а в данном случае просто абсурдно. Опыт одного человека никогда не охватывает опыт многих государств. А судить об опыте других государств по свидетельствам - глупо, в силу ангажированности и партийности всех свидетелей.

Поэтому рассуждения Аристотеля о формах государственного устройства исходят из железной логики:

власть может быть либо у одного, либо у некоторых, либо у